
ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ББК 60.542.21

Н. Н. Козлова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ 8 МАРТА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Политические/государственные праздники, как известно, являются частью культуры общества, выражением ценностей, способом фиксации значимых в конкретном социуме событий. Празднованию 8 Марта как Международного женского дня (МЖД) уделялось так много внимания в отечественной официальной государственной риторике, что специальных исследований на эту тему не проводилось в силу очевидности соотнесения его с определенным референтом — женщинами. Исследователи гендерного направления, изучая трансформацию мужских и женских ролей, проявляли свою научную заинтересованность относительно данного праздника, рассматривая нормативно-правовые акты советской власти, посвященные равенству полов [13]. На фоне конституций, декретов, постановлений институционализация праздника 8 Марта выглядит второстепенным и незначительным актом. Однако, на мой взгляд, рождение этого события может пролить свет не только на женскую, но и на отечественную историю в ее социальном, демографическом, экономическом преломлении — на советскую гендерную политику и на механизмы выстраивания отношений государства с определенной социальной группой — женщинами.

Согласно мнению специалистов по женским и гендерным исследованиям, история праздника связана с движением женщин за свои права в Западной Европе и США, начало которому было положено во второй половине XIX — начале XX в. На Второй Международной социалистической женской конференции, проходившей 27 августа 1910 г. в Копенгагене в рамках Восьмого конгресса Второго Интернационала, Клара Цеткин предложила учредить «день борьбы за права женщин» и «праздновать 8 марта как международный женский день социалистического движения — женский вариант праздника Первого мая» [9, с. 348].

Первый МЖД отмечался в России — в 1913 г., в первое воскресенье февраля [5, с. 112—116]. К февралю 1917 г. тяготы Первой мировой войны спро-

воцировали протест петроградских женщин, который, как известно, перерос во всеобщее восстание и низвержение монархии [4, с. 152]. Подробное описание данного политического процесса содержится в книге Р. Стайтса «Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930» [9].

Дальнейшая судьба Дня 8 Марта зависела от развертывания политического процесса в России. После Октябрьской революции 1917 г. положение женщин претерпело кардинальные изменения. В Конституцию 1918 г. была включена статья о полном равноправии женщин и мужчин. Решив женский вопрос юридически, необходимо было фактически приобщить женщин к социалистическому строительству. Женские массы советской России отставали от мужского населения по всем социальным показателям. Женотделы проводили большую работу среди женщин — съезды, конференции и др. Ставшая государственной коммунистическая идеология была проникнута эмансипаторским духом, рабство женщин признавалось главной твердыней буржуазного строя, а желание освободить женщину от гнета домашнего рабства, осветить ее сознание коммунистическими идеями означало для большевиков окончательное закрепление победы «над старым миром». «Каждая работница должна стать солдатом революции. Основной задачей работницы является самое деятельное участие во всех формах и видах революционной борьбы, как на фронте, так и в тылу, как путем агитации и пропаганды, так и путем непосредственной вооруженной борьбы» — такова была идеологическая установка партии [11, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 1—2].

В самые первые годы советской власти — время Гражданской войны и иностранной интервенции — День 8 Марта не отмечался. В 1921 г. на 2-й Коммунистической женской конференции было решено праздновать МЖД 8 Марта в память о женской забастовке в Петрограде в 1917 г., послужившей началом Февральской революции.

Постепенно проведение праздника становилось неотъемлемой частью советско-партийной работы среди женщин по вовлечению их прежде всего в процесс индустриализации и модернизации советской промышленности. Первоначальный смысл праздника, выражающий женскую солидарность, отходил на второй план. В «Малой советской энциклопедии», изданной в 1930 г., указывалось, что Международный коммунистический женский день (МКЖД) 8 марта — это праздник «нового быта», созданный для политического воспитания работниц и вовлечения их в движение пролетариата, мобилизации сил для международной революции [8, с. 87—89]. Е. Р. Ярская-Смирнова и Г. Г. Карпова подчеркивают, что празднование 8 Марта было призвано усилить именно общественную сторону жизни советской женщины [14, с. 147].

Активной политической кампанией сопровождался МЖД 8 Марта с 1927 г. С этого времени на региональном уровне при президиуме губисполкомов ежегодно создавалась специальная комиссия по проведению женского праздника, которая намечала основные мероприятия на целую неделю, а также ставила практические задачи женщинам-общественницам на год (см., напр.: [3, ф. Р-291, оп. 11, д. 115, л. 9—17]).

В Тверской губернии кампания начиналась с воззваний к трудящимся женщинам, которые публиковались в местной прессе: «День 8 марта является

днем смотра сил миллионов работниц и крестьянок» [там же, д. 76, л. 9]. Соответственно 8 марта власти давали установку на рекордные результаты в работе в этот день. После рабочей смены следовали официальная часть праздника, концерт художественной самодеятельности, женщинам предоставлялась возможность бесплатно посетить кинематограф [там же, д. 115, л. 9, 48].

При этом закономерно и важно, что инициатива придать празднику широкий политический размах, как, впрочем, и многие другие инициативы в решении женского вопроса, исходила не от женщин, а от партийных органов. Более того, в соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. «О реорганизации аппарата ЦК ВКП (б)» женотделы как органы по работе среди женщин были ликвидированы. В результате вместо женских организаций работницы и крестьянки получили праздник — МКЖД 8 Марта.

На мой взгляд, с конца 1920-х гг. в СССР МКЖД 8 Марта становится ядром формирования гендерной культуры нового типа, стержнем новой гендерной политики советского государства. Наиболее емко суть новой тоталитарной гендерной системы выразили А. Темкина и Е. Здравомыслова, обозначив ее как этакратический гендерный контракт [12]. «Женщина-работница-домохозяйка-мать» — таков был новый набор социальных ролей, предназначенный государством для женщин.

Формирующаяся жестко централизованная модель власти имела логику, противоречащую артикуляции, агрегации и представительству интересов социальных групп. Именно государство-партия определяло цели и ставило задачи перед гражданами. В ежегодных празднованиях 8 Марта власть создавала нового референта для женских масс — государство, которое добровольно-принудительно предлагало женщинам осваивать новые социальные горизонты. Агитация и пропаганда, направленные на вовлечение женщин в процесс государственного и экономического строительства и приуроченные к 8 Марта, не являлись единственной целью власти. Наиболее важной для создания и поддержания имиджа «заботливого» государства была презентация результатов политики, направленной на равноправие полов. Ежегодно 8 Марта государство-партия «отчитывалось» за успехи в деле улучшения положения женщин в СССР. Агитки, периодика, посвященные празднику, изобиловали статистикой об электоральной активности женщин, их реальном вкладе в экономику страны, выражавшемся в выплавке миллионов тонн чугуна или сборе миллионов тонн зерна, о повышении уровня их образования и т. д. Освоение женщинами новых профессий — трактористки, летчицы — демонстрировало открытие государством новых возможностей, новых степеней свободы.

Советская женщина стала новым типом человека, который доказывал: «Нет крепостей, которые бы мы не брали». Из маргинального периферийного социального субъекта советская женщина превратилась в активного строителя коммунизма. Мужская биография до и после революции не давала столь разительного кардинального революционного контраста: класс мужчин занимал все те же публичные ниши, тогда как женский удел демонстрировал мощный разрыв с традицией. Советская женщина освоила все сферы деятельности, которые ранее занимали мужчины: экономику, науку, спорт, а впоследствии и кос-

мос. Можно утверждать, что именно советская женщина, а не мужчина представляла новый — советский — тип человека.

Советская женщина 8 Марта преподносилась пропагандой как предмет гордости советского строя и доказательство его прогрессивности. В связи с празднованием 8 Марта на новую высоту были подняты мифологизация и героизация женщин, служащих интересам советского государства. В качестве образцов для подражания отбирались конкретные женские персонажи, выстраивались и тиражировались их биографии. Из газет, выходящих 8 Марта, можно было узнать «героинь нашего времени». В 1930-е гг. была сконструирована модель истории женского движения, в которой не было места активным, независимым женским организациям. Революционерки, участницы Гражданской войны уступали в ней место женщинам — передовикам производства. Перефразируя М. Фуко, можно сказать, что тирания глобального дискурса — дискурса марксизма-ленинизма — дисквалифицировала и погребла все дискурсы борьбы. Отсутствие независимых женских интересов, жесткая привязка женщин как социальной группы к государству делает МКЖД 8 Марта памятником не столько истории женского движения, сколько советскому государству.

Типичную схему празднования 8 Марта содержит газета «Правда» за 1935 г. Ее передовица открывается словами Постановления ЦК ВКП (б) «О международном коммунистическом женском дне 8 марта»: «...победа социализма в СССР <...> раскрепостила трудящуюся женщину, сделала ее фактически равноправной мужчине и открыла всем трудящимся женщинам широкую дорогу культурного и политического развития». Новые общественные рубежи, обозначенные властью, состояли в «вовлечении работниц и колхозниц в оборонную санитарно-просветительную работу и физкультурное движение». На второй странице мы находим две статьи, посвященные достижениям женщин-работниц и рекордсменкам. Здесь же опубликовано и произведение пролетарского поэта Д. Бедного «Привет растущей силе», создавшего «художественную» квинтэссенцию образа новой советской женщины:

Про «бабу» злые прибаутки
У нас уж больше не в ходу.
Про «бабу» старые погудки
С культурной новой не в ладу.
Цена такому балагурью —
Антисоветская цена.
Мы распростились с этой дурью
Бесповоротно и сполна.
Поставив крест на мире старом,
Верша великие труды,
Колхозной женщиной недаром
Мы так восторженно горды.
Ее житейская дорога
Уж не «от печки до порога»,
Пред нею новый, светлый путь
Туда, где легче дышит грудь,
Где неоглядные просторы,
Где жизни радостной узоры

И краски творческой весны
Уже отчетливо ясны.
Колхозный съезд второй недавно
Нам показал ее так явно:
Вот она,
Возбуждена, увлечена
Докладом, яркими речами,
Чувств неиспытанных полна,
завороженными очами,
Не отрывая их, глядит
Туда, где СТАЛИН сам сидит.
И вот она уж на трибуне,
И ей — да, ей! Петровой Дуне! —
Все рукоплещут. Сталин тож.
Он рукоплещет всех сильнее.
Он — стало ей теперь виднее —
Как на портреты не похож:
Вблизи он проще и роднее.
Все надо в памяти сберечь,
Чтоб вспомнить над колхозной пашней,
Как Сталин жадно слушал речь
Ее, телятницы вчерашней.
Она — еще не грамотей —
Телят любила, как детей,
Потом — ударничала в поле.
Не только в поле, но и в школе,
Чтоб, поработавши «как черт»,
Стать полеводом первый сорт.
Сдала здоровьем даже малость,
Но всю болезнь, верней, усталость,
Сняла награда: Крым, курорт.
Теперь придут весна и лето,
И вновь здорова и сильна...
Конечно, Сталин знает это!
Он знает, знает, кто она!
Но также знает он заочно —
С ним вместе знает вся страна! —
И уважает имена
И подвиги таких же точно
Колхозниц славных, как она.
Они лавиной мощной, бурной,
К той жизни ринулись культурной,
Которой в мире краше нет.
Родной, колхозно-деревенской,
Растущей новой силе женской
Наш братский, пламенный привет!

Как мы видим, начиная повествование о замечательной советской женщине-колхознице Петровой Дуне, которой посчастливилось стать делегаткой второго крестьянского съезда, в середине стихотворения поэт переходит к лич-

ности Сталина, чье имя выделено в газете крупными буквами. Рукоплескания «отца народов» на речь Петровой Дуни являются главным мерилем ее заслуг — ударного труда и учебы.

Третья и четвертая страницы соответственно посвящены темам «Женщина в царской России» и «Под гнетом капитала и фашизма». «Женские» материалы — иллюстрация величия советского строя и культа личности Сталина. Новые возможности, которые дала советская власть женщинам, не являются их собственной заслугой, новые права выступают как дарованные властью привилегии. Принятие дара требует эквивалентного ответа — оправдать надежды власти самоотверженным трудом и защитой Отечества.

Все газетные статьи акцентируют внимание на патерналистском дискурсе заботы государства о женщинах; привлечение внимания к ним, казалось, должно работать на пользу женщин. Но в результате проведения советской гендерной политики женщина из субъекта превращалась в объект. Как пишет С. Айвазова, идеология государственного протекционизма по отношению к женщине означает ее «социальную инвалидизацию» и ведет к воспроизводству патриархатной системы гендерных отношений [1, с. 82—93]. Благодаря интенсивной государственной политике в период 1920—1930-х гг. из аморфной женской массы получился адресный сегмент подконтрольного псевдогражданского общества в тоталитарной советской системе.

Идеологически определялось в общественной системе не только место, но и время женщин: им «выдали» специальный день — 8 Марта, день для трансляции и получения «ценных указаний» от власти. Если проводить аналогию советской системы с учреждением, то можно сказать, что 8 Марта напоминало прием по личным вопросам. В другие дни «женские вопросы», проблемы, интересы не артикулировались властью. Поэтому постановления ЦК ВКП(б) к МКЖД 8 Марта ежегодно выдвигали какую-либо проблему перед женщинами. Так, в постановлении ЦК ВКП(б) «О МКЖД 8 Марта» 1939 г. отмечалось, что «ЦК ВКП(б) указывает на необходимость усилить заботу о женщине-матери, помня, что воспитание детей, нашего будущего поколения, является одной из важнейших задач женщины».

Борьба с фашизмом, поддержка освободительной борьбы в странах третьего мира, движение за мир стали с начала 1940-х гг. основной темой в МКЖД 8 Марта. В постановлении ЦК партии «О МКЖД 8 Марта» 1942 г. говорилось: «...священным долгом каждой советской патриотки является самоотверженный труд на помощь фронту».

В 1960-х гг., после реконструкции разрушенного во время Великой Отечественной войны народного хозяйства, новые общественные горизонты для женщин были исчерпаны. За исключением сферы принятия решений все социальные показатели были выполнены, а по ряду отраслей даже перевыполнены. Можно утверждать, что в женский вопрос в том виде, как его задумывали большевики, был решен. Армия тружениц и рожениц была сформирована. К середине 1960-х гг. проявляются уже и первые результаты планомерного построения этакратической гендерной системы: гендерная сегрегация в национальной экономике, «двойная нагрузка» в условиях неразвитости социальной сферы, снижение рождаемости и др.

Попытка по-новому взглянуть на задачи женщин в деле реализации государственных интересов вылилась в институционализацию 8 Марта как нового нерабочего праздничного дня.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г., т. е. в канун 20-летия Победы в Великой Отечественной войне, МЖД 8 Марта объявлен в СССР нерабочим днем «в ознаменование выдающихся заслуг советских женщин в коммунистическом строительстве, в защите Родины в годы Великой Отечественной войны, их героизма и самоотверженности на фронте и в тылу, а также отмечая большой вклад женщин в укрепление дружбы между народами и борьбу за мир» [2]. Аргументация, приведенная в обоснование решения, не связывает женские интересы с данным праздником, не содержит намеков на революционный настрой женщин в 1917 г. День 8 Марта был вписан в цикл праздников, посвященных Дню Победы.

Одной из задач, поставленных перед женщинами в этот период — период «холодной войны» и американской агрессии во Вьетнаме, являлась борьба за мир. Впервые за годы советской власти было актуализировано международное звучание праздника 8 Марта. Женский день был единственным международным праздником в системе национальных торжеств, «боевым праздником солидарности женщин всего мира в борьбе за демократию и социализм, свободу и равноправие, национальную независимость, за мир во всем мире». Провозглашая задачи женщин и женсоветов, созданных в это время, в деле борьбы за мир во всем мире, советское государство использовало «опыт решения КПСС женского вопроса» в своей имперской экспансии и распространяло его на свои геополитические зоны влияния.

Расширение социалистического лагеря за счет ГДР, Польши, Чехословакии и других стран нашло свое отражение в статьях газеты «Правда», выходящих 8 Марта. Например, в 1966 г. газета опубликовала материалы о том, как празднуется этот день у братских народов, письма и обращения женщин Йемена, Монголии, которые выражали благодарность за то, что «тяжелую ношу гнета и бесправия снял с женских плеч социалистический строй», открывший перед ними все дороги.

В СМИ советские женщины горячо поддерживали внутреннюю и внешнюю политику партии и правительства; в свою очередь, КПСС и советское правительство считали «своим долгом и впредь неустанно заботиться» об улучшении условий труда, построить в новой пятилетке столько-то детских садов и т. п. В результате газетные передовицы 8 Марта приобретают характер «заезженной пластинки».

В 1970—1980-х гг. появились новые акценты в праздновании 8 Марта. Демонстрация готовности женщин к очередному съезду уже сопровождалась либерализацией и приватизацией дискурса, деполитизацией праздника. Передовицы газет, агитки, обращения, открытки украшались изображениями цветов, а женщинам желали частных ценностей — крепкого здоровья, большого счастья и т. д. Девальвация политического содержания праздника укрепила его популярность в советском обществе. Можно согласиться с М. М. Жванецким, что 8 Марта стал днем «мужской расплаты». В этот день мужчины как частные лица и мужчины как правящий класс «извинялись» за те формы гендерной

дискриминации, которые породило советское государство. И. Тартаковская называет этот процесс модификацией патриархатной идеологии [10].

Утрата первоначального смысла праздника сделала его своего рода культурным парадоксом: он приобрел биологическую основу и стал противоречить одному из базовых принципов социализма — равноправию полов. Вследствие несправедливости такой ситуации с середины 1970-х гг. в СССР стал неформально отмечаться и «мужской день». День рождения Советской армии — 23 февраля, профессиональный праздник военных, как нельзя лучше подходил для воспроизводства традиционных гендерных стереотипов. Актуализация этого торжества была призвана не только уравновесить «женский день», но и способствовать преодолению дефицита мужественности.

Учреждение 8 Марта как государственного праздника в СССР совпало на Западе со второй волной феминизма. Во время проведения Международного года женщин в 1975 г. МЖД был официально признан ООН и принят многими правительствами, которые прежде не знали о его существовании [7]. Посвященные «Дню борьбы за права женщин и международный мир» мероприятия приурочивались ООН к 8 Марта. Поэтому многие женщины продолжают видеть в МЖД важный повод для действий по поводу политических, экономических и социальных прав женщин.

В России с 2002 г. МЖД празднуется 8 марта — наряду с другими «нерабочими праздничными днями» — согласно ст. 112 Трудового кодекса РФ. Официально узаконен и «мужской» праздник — 23 февраля, День защитника Отечества, хотя конституционную обязанность защищать Отечество несут все российские граждане независимо от пола. Таким образом, создается юридическое основание для воспроизводства и тиражирования гендерных ролей традиционного типа. Женские роли в связке с 8 Марта вызывают биологические ассоциации, а мужские роли определяются социальной функцией — защитой Отечества.

Периодические опросы социологических фондов показывают, что праздник 8 Марта пользуется большой популярностью у населения [6, с. 134]. На мой взгляд, это объясняется тем, что в структурах российской повседневности статус женщины по-прежнему вторичен. Перефразируя Маркса, 8 Марта является и выражением гендерного убожества, и протестом против этого убожества. Поэтому, играя в российской культуре роль опиума для женщин, праздник 8 Марта практически не имеет шансов вновь обрести социальную направленность, превратиться в день борьбы за права женщин. В то же время настойчиво проявляется тенденция «гламуризации» МЖД. Интернет-сайты изобилуют предложениями подарков самого широкого спектра, тем самым сближая 8 Марта с Днем святого Валентина, отмечаемым 14 февраля как праздник влюбленных.

Таким образом, история праздника 8 Марта прошла следующие этапы: от борьбы женщин за свои права, через подмену женских интересов государственными, до почитания в России женщин, перед «которыми общество в неоплатном долгу». Думается, только деполитизация 8 Марта позволила этому дню сохраниться в качестве государственного праздника. И если праздник — это всегда повод для радости, а в родном Отечестве не будет других поводов для радости, кроме торжества своего пола, российский гендерный порядок будет стабильно архаичен.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М. : РИК Русанова, 1998. 405 с.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 19 (1262).
3. Государственный архив Тверской области.
4. Женщина // Малая сов. энцикл. / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. М. : Сов. энцикл., 1930. Т. 3. 927 с.
5. Женщины в революции. М. : Госполитиздат, 1959. 472 с.
6. Ломакина Е. Один пол — не воин. Зачем понадобились гендерные праздники и почему они так прижились // РБК. 2010. № 3. С. 134—137.
7. Международный женский день. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 21.01.2008).
8. Международный коммунистический женский день // Малая сов. энцикл. М. : Сов. энцикл., 1930. Т. 5. 958 с.
9. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М. : РОССПЭН, 2004. 615 с.
10. Тартаковская И. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 245—265.
11. Тверской центр документации новейшей истории.
12. Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № 11. С. 4—15.
13. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реальность. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
14. Ярская-Смирнова Е. Р., Карпова Г. Г. Международный женский день // Слов. гендерных терминов / ред. А. А. Денисова. М. : Информация — XXI век, 2002. С. 147—149.

ББК 60.542.21

В. М. Марасанова, И. Ф. Албегова, Г. Л. Шаматонова

**ЖЕНЩИНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ В КОНЦЕ XVIII —
НАЧАЛЕ XX в. (На примере Ярославской губернии)**

История дореволюционного образования в Ярославском крае в последние десятилетия постоянно привлекала исследователей [3, 4, 7, 10, 12, 17, 18, 19, 20, 28, 32, 33, 34, 36]. Источниковую базу изучения вопроса составляют дореволюционные делопроизводственные материалы, статистические справочники, периодическая печать, мемуары и др. Данные источников и исследовательской литературы позволяют провести комплексный анализ дореволюционного женского образования в Ярославской губернии. Они дают возможность проследить основные вехи его истории: от появления первых начальных школ для девочек в конце XVIII в. до 1917 г., когда началось создание советской системы образования, основанной на классовых принципах.

© Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л., 2011